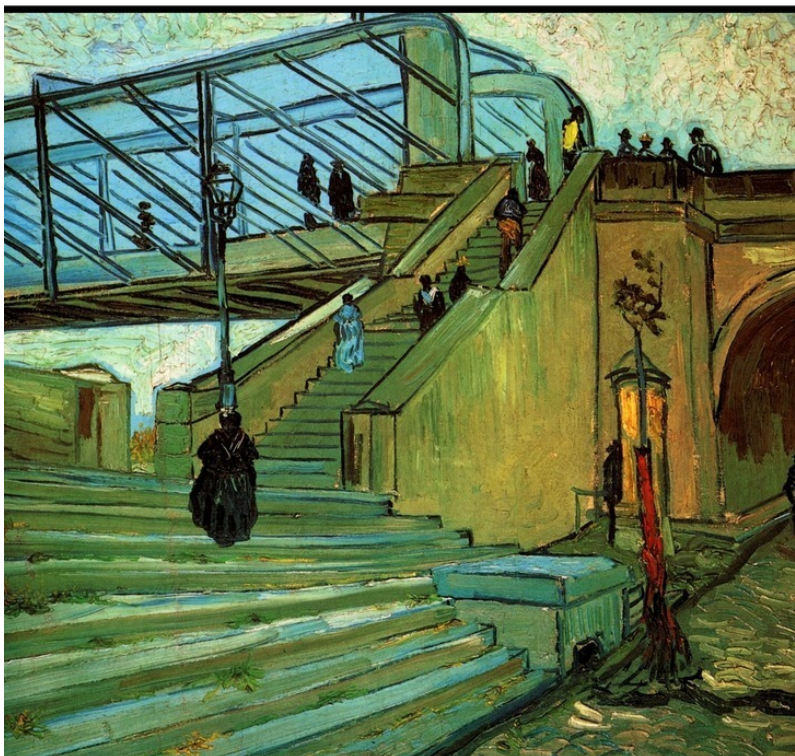

СЛАВА СОКОЛИНСКИЙ

Образ Жизни

Слава Александрович Соколинский

Образ Жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24916379

ISBN 9785448537622

Аннотация

Люди постоянно находятся в вечном поиске, вечном стремлении к тому, что им вовсе и не нужно. Огромная планета так сильно устала от бесконечно продолжавшегося хаоса. Забывая свое прошлое, я переносил все свои проблемы на события, происходящие вовне. Я винил родителей, учителей, каждого проклятого человека на этой планете в своих проблемах и в том, что все складывалось не так. Конечно, я знал, что во всем виновен я сам. Просто не хотел признавать этого.

Образ Жизни

**Слава Александрович
Соколинский**

© Слава Александрович Соколинский, 2017

ISBN 978-5-4485-3762-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны

В Киев я попал ближе к середине лета 2016 года. Переходя крымскую границу с украинской стороны меня сразу предупредили – пока не сделаю паспорт, из страны не выпустят. Я конечно же не сильно об этом переживал и даже не обратил внимания на такую мелочь.

Обстановка на вокзале Новоалексеевки, что в разы мень-

ше даже алуштинского, хотя и с железной дорогой, еще напоминала о недавно покинутом Крыму. Соки, пирожки и булочки – при чем за гривны получалось гораздо выгоднее, чем за рубли.

Билетов на поезд до Киева не было, поэтому я решил доехать электричкой до Запорожья, и уже там сесть на плацкарт до столицы или так же электричкой добраться до Днепра, где билеты были бы точно. В Запорожье я приехал довольно поздно, уже стемнело, билетов не оказалось, но не смотря на это, в Днепр я решил не ехать, а попробовать добраться в Киев своим ходом, прямо с Запорожского вокзала. Главное вокзальное здание, когда я заходил туда, показалось красивым, с большим гравированным трезубцем и казаками, запорожскими, с хохолками, в шароварах, вооруженными пиками или чем-то таким над входом.

Пару сигарет спустя я сел попутчиком к мужичку в потертых трениках и его сыну в небольшой минивен прямо до Киева. Долго я просто смотрел в окно, на здания и людей. На выезде из Запорожья мы выбрали еще одного парня: крепкого, с абстрактной татуировкой на ноге и хвостиком на затылке. Мы молча переглянулись, но говорить не стали. Не смотря на тряску я кое как вздремнул и около часа дня оказался на Южном вокзале Киева. Немного осмотревшись подошел к окошку с большой желтой буквой «М». Мясо я не ел, так что взял только большой кофе.

День был хороший и солнечный. Сел за высокий столик

и отхлебнул кофе – я был рад.

До этого самостоятельно я доходил только до Севастополя. Тогда тоже было лето, я поссорился с родными на почве своего нежелания работать. Они говорили, что раз уж ты бросил университет, так иди и работай, мол нечего дома без дела просиживать. «Ага, работать. Я-то и работать! Еще может чего, я же вам не раб какой. Я человек искусства, человек эволюционный и безгранично свободный!» – подумал тогда я, собрал в рюкзак футболки, штаны, первую попавшуюся книгу, это была «Тысяча и одна ночь» и с крайне самодовольным: «Сайонара! Счастливо оставаться!» ушел. Зашел к Никите, абсолютно сумасшедшему писаке, и он узнав о моём решении уйти из дома дал в дорогу немного кофе и печенье. Мы остановились на остановке и поболтали о наших планах на будущее, о городах и о погоде, об университете и, в общем, кофе с печеньем я выпил еще там и, попрощавшись, побрёл по дороге в сторону Ялты, держа курс на Севастополь. Зачем мне нужно было в Севастополь и почему именно туда я не знал, но решив уйти из дома мысль о том, что меня там почему-то ждут возникла почти сразу.

Денег не было совсем – откуда же деньги у безгранично свободного существа? Но вышло здорово – посреди трассы меня подобрал дальнобойщик. Перекинувшись парой слов он назвал меня идиотом, дал еды, риса с нуттом. Хороший улыбчивый водила. Проехав с ним через всю Ялту мы попрощались. Потом были какие-то студенты-старшекурсники

на легковушке, которые говорили о своих делах, так что я просто отдыхал, слушал музыку и наслаждался пейзажами. Они высадили меня на маковом поле, не доезжая до Севастополя. Очень красиво – обширная поляна усеянная красным маком и полынью прямо у дороги. Я зашел поглубже в поле, сел на рюкзак и съел свой рис с нутом. Позвонил Милане прямо с маковой поляны – она была расстроена, потому что я не позвал её с собой, ну и в целом ушел не попрощавшись. Мы тогда хорошо общались, пили вместе вино и гуляли. Саше, моей тогдашней девушке это не нравилось, а я уверял её, что между нами ничего не было и нет, кроме простого дружеского собутыльничества. И я до сих пор не понимаю, что могло заставить меня так резко собраться и двинуть в одиночку гулять не в соседний двор, наверное хотел убежать от надуманных проблем, от гнета надменных женских глаз. Красивых, сияющих женских глаз; синих, как алмазы и зеленых, как изумруды, моя кровь предполагает любовь к драгоценностям, а я этого принимать не хотел, а хотел просто убежать от себя.

Потом была долгая и очень изнурительная дорога, под палящим солнцем, без воды. Около часа я шел, глотая пыль от дороги, ориентируясь лишь на какие-то башенные краны вдаль. В один момент я подумал, что иду не туда, потому что в начале была развилка, прямо перед маковым полем, поэтому я дошел до остановки и у первого же прохожего, крайне редкого посреди трассы, спросил в какой стороне Севастопо-

поль. Он подтвердил мои сомнения и сказал, что город совершенно в другой стороне и придется возвращаться назад. Я сел на лавочку, уже крайне вымотанный, хотя предстояло пройти еще довольно много. Тогда я стал думать о природе удачи: что это такое? Почему одним везет, а другим нет? Для меня был примерно понятен принцип кармы – что посеешь, то и пожнешь. Но можно ли посеять исключительную удачу? «Сею-сею, пожинаю, кармы хлебушек вкушаю». В общем, странное дело это везение. С этими мыслями я перешёл дорогу и побрел в обратную сторону. «Бойтесь свободы!», – это всплывали в голове слова рисованного философа. Пить хотелось жутко и, вдобавок к этому, не спал прошлую ночь, потому что писал смешные и глупые мелодии на компьютере, просто для души, но, не смотря на всё это, я был очень доволен, ведь я – безграничен.

Помнится, меня сравнили с шоколадом, у которого снимая обертку, начинаешь беспокоиться, а есть ли там вообще шоколад или только фольга и я считаю это сравнение не менее глупым, чем мои наивные мелодии, ведь я есть шоколад, я есть фольга и две эти вещи создают меня в целости. Если тебе неприятна моя фольгированная оболочка, что ж – в твоей воле найти себе чистый шоколад – бери смело, но я есть я. И не пройдя двадцати минут меня подобрали добрые женатики на красном фургоне. Салон был большой и прохладный, меня с комфортом подбросили прямо до Севастополя, высадив где-то на окраине. Солнце было еще высоко

и я решил прогуляться до набережной, которая располагалась в другом конце города. По дороге зашёл на долгожданную заправку, напился воды, а выйдя на улицу мне позвонила сестра. Спросила, как я и что собираюсь делать. Многозначительным тоном я сказал, что всё в порядке. Она предложила немного погулять и вернуться домой. Наверное, их беспокоил сам факт того, что я был обездвижен.

Когда я добрёл на набережную стало холодней. Я накинул ветровку и сел на парапет, наблюдая за шайками местных скейтеров. Я был поражен нашим временем. Столько однотипности в её разнообразии, это трудно объяснить, но я видел в этих ребятах своих друзей. Я хотел уйти от проблем и старых надоедливых мыслей, и пройдя по жаркому асфальту обнаруживаю вдруг, что бежать было некуда и совершенно не от кого. И каждого из нас всегда будет окружать лишь то, что мы готовы видеть.

Севастополь мне понравился. Ухоженная и располагающая набережная и, хотя, я бывал тут раньше, в таких обстоятельствах она казалась мне особенно привлекательной.

Скоро стемнело. Начинались вторые сутки без сна, холодало, но это хотя бы отбивало желание спать и пить. Я сел под фонарём и достал «Тысячу и одну ночь». Наверное, это был один из лучших выборов в жизни. Прочитал одну байку про старика, который обманом (он представился дальним родственником) заманил мальчишку в тайную пещеру полную сокровищ, чтобы тот спустился в её опасные подземе-

ля, рискуя своей жизнью, и принес ему какую-то очень важную вещь. В замен, он пообещал наивному мальчику столько золота и драгоценностей, сколько он захочет. Конечно же это была только уловка, за которой следовал подлый, и полный корысти обман – злой старец запер мальчика в этой пещере, приговаривая беднягу к неминуемой и мучительно длинной смерти от голода. Но тот, с помощью подручных средств всё-таки выбрался на поверхность, а позже забрал все драгоценности из пыльных подземных сундуков.

Я чувствовал себя спокойно и очень естественно. Закрыв книгу я спрятал её в рюкзак и захотел найти людей, чтобы познакомиться, пообщаться и попросить сигарет. Стоило совсем немного пройтись по улочкам, как мне повстречалась компания из нескольких девчонок и парней. Спросив у них сигарету мне предложили вкусную вишневую самокрутку. Мы разговорились и познакомились. Парня, который угостил меня самокруткой звали Женя. Он вдруг спросил:

– А ты куришь, Слава?, – у него были тоннели на ушах – достаточно большие, они вряд ли затянутся, даже если он снимет их, так, что у него останутся крупные дырочки на мочках ушей.

– Курю, – улыбчиво ответил я.

– Ну, тогда сегодня тебе повезло, – и он тоже улыбнулся в ответ.

Мы скрутили пару плотных косяков на компанию и покурили. Просто сидели и болтали:

– Видно, так разобрался в себе, что пришлось ехать собираться?

«И точно», – тогда подумал я.

Все были улыбчивы, много говорили и смеялись, очень хорошие ребята. Мне дали несколько самокруток в дорогу и объяснили, где недалеко красивые места. Мы разошлись и я снова остался наедине с собой.

Гуляя по ночному Севастополю я чувствовал себя абсолютно счастливым, наполненным жизнью и действительно безграничным. Как будто бы ты присоединяешься к необъятному и космическому. Когда эгоцентричные мысли перестают существовать и ты просто есть, когда ты жив в этом моменте сейчас. И даже возникающие мысли были иного качества, как бы символического – они просто были, как часть меня, как логическая составляющая ума. Больше не было ни страха, ни неудовлетворенности. Я был полностью собран и сосредоточен – на сколько это было возможным на тот момент. Я знал куда идти и шёл – это простая внутренняя уверенность – знал эти улицы, как будто бы ходил по ним вот так каждую ночь.

Я пришел на место, куда меня направили новые знакомые и просидел там практически до утра, медитируя, получая новые инсайты и пищу для размышлений, в абсолютно безумном, как горящие дома и тающий лед, настроении. Этим местом был какой-то памятник очень масштабных размеров. Что это было конкретно я не знал, потому что всё было зали-

то ярким светом прожекторов, а подойти ближе и рассмотреть каменного гиганта у меня не возникало желания, потому что в том состоянии форма меня не интересовала.

Как только стало светать я пошел к вокзалу, чтобы вернуться домой. Какая-то часть мыслей звала меня продолжить дорогу, но всё же, я решил вернуться. К шести утра я пришёл на платформу, зашел в электричку и сразу же уснул. Когда проводник меня разбудил мы уже далеко укатили от города. Так как денег не было он сказал, чтобы я вышел на следующей станции, что я бы, может и сделал, если бы снова не уснул. Но, когда меня разбудили второй раз, он проконтролировал чтобы я точно вышел.

– Давай, давай!, – говорит он в след.

Но я остался доволен тем, что хотя бы немного поспал. Поезд умчался вдаль и передо мной раскрылись широкие степные поля и бесконечно длинная железная дорога.

Было раннее утро, воздух был даже холоднее ночного, хотя ты всегда будешь мерзнуть, если мало или плохо спишь. Прямо на путях я натянул штаны и кофту, которую так же взял с собой. Стало немного теплее и я зашагал по рельсам, напевая веселые утренние песенки. Скоро с правой стороны показались вишнево-черешневые деревья. Я не скажу, что это был сад, но деревьев было на самом деле много, и я жаждущий пить и есть радостно набросился на них. Утро началось великолепно: уставший и абсолютно счастливый я, лежу на огромном стоге сена, улыбаюсь восходящему солнцу,

смакуя каждую только что собранную ягодку. Сначала даже хотел прямо там и вздремнуть, но опасаясь насекомых решил пойти дальше, собрав еще пару жменей черешни на дорожку.

Идти по рельсам несколько затруднительнее, чем по земле, но забавно и помогает не думать о сне. Я считал свои шаги-рельсы, но доходя до ста тридцати восьми я уставал, съедал ягодку и начинал все с начала. И таким образом я вышел на дорогу, где-то на окраине Симферополя, где почти сразу поймал парня на жигуле, который угостил меня сигаретой и подвез прямо до ЖД вокзала, где какой-то добрый дядька, после того, как я рассказал ему о своих приключениях, подарил пятьдесят рублей, как раз на троллейбус до Алушты. Можно было бы доехать и автостопом, но я, немного вымотавшийся, решил расслабиться и доехать за деньги. Все-таки дома хорошо!

После всего этого я помирился с родными и устроился на работу в дельфинарий, чтобы накопить немного средств и в следующий раз поехать куда-нибудь подальше. На работе я мыл разноцветные пластмассовые сиденья от соли, которая оставалась от воды, а потом надевал гидрокостюм и плавал в бассейне с дельфинами и детьми богатых родителей. Определённо, дома хорошо. Но скоро плавать мне надоело и я устроился на сезонную работу продавать всякие пляжные придамбасы, просто потому, что платили больше.

В какой-то момент мой друг Артём пригласил меня пого-

стить в Киев. Он предложил немного пожить у него и поиграть с ними в группе соло-гитаристом, на что я был исключительно согласен. Мы познакомились с ним, когда нам было около пятнадцати лет, через общую знакомую – Сашу, с которой позже мы стали встречаться. Владик и Тимур тоже были в столице. Они занимались подготовкой к поступлению и дали знать, что я, как крымчанин, так же имею привилегии в этом ВУЗе. И собрав некоторую сумму я снова упаковал рюкзак, взял с собой гитару и сел на автобус до границы. Через Симферополь и Джанкой, где буквально на минуту выйдя из автобуса меня окружили цыгане и разболтали на целых сто рублей, а когда доехал до Чонгара, практически без задержек, прошел все контроли.

И вот, я допил свой первый кофе купленный за украинские гривны, набрал Артёма и поинтересовался, куда же мне дальше двигаться:

– Бля, ну трудно объяснить, где метро. Возьми такси прямо ко мне, потом разберемся.

Так я и сделал. Громадные старые здания и высокие бизнес центры. Конечно и тут я бывал раньше, но все же в разных условиях на всё смотришь по-другому. На такси я проехал много красивых мест и это явно интересней метро. Артём встретил меня у дома, я был рад его видеть. Общую волну мы нашли не сразу, оно и ясно: я, только плескавшийся с дельфинами бродяга и он, живущий в мегаполисе конкретно модный чувак. И, естественно, наши взгляды на жизнь

несколько разнились, но в целом, мы понимали друг друга.

В этот же день я подстригся, побрился и сменил одежду. Мы поели у Артёма и поехали к его знакомому – Нагосу. Сейчас он заделался диджеем и крутит на вечеринках своё минимал техно, но тогда он сидел на берегу Днепра и сдавал напрокат лодки, куда и помог устроиться мне. А вечером Артём встречался с Бодей Молекулой из ОГ и взял меня с собой. Я познакомился с ним под мостом, где они хотели провести показ. Концепция была типа «Одежда в естественной среде». Они говорили о своих делах, в которые я не встревал, а просто стоял и думал: «Почему Бодю я вижу, а молекул, ну даже одну, не вижу?» Хотя его разноцветные кроссовки показались прикольными, не смотря на то, что я не видел никаких границ разделяющих лодки, кроссовки, Богдана, Артёма и меня от воды, воздуха и всепоглощающего пространства существующего. Не мог понять того, почему мысли не выпадают из наших голов, как конфеты из хрустящей целлофановой обёртки, и что вообще эта мысль такое, где она рождается и умирает, и куда девать образ цветных кроссовок парня, которого я часто видел сквозь матричное пространство цифровой реальности? На самом деле, тогда я не осознавал всей масштабности и влияния технологий и интернета в частности. После этого мы прогулялись около Оушен Плаза – громадного торгового центра, и разошлись. Время в большом городе течёт намного быстрее. Съездить туда, вернуться обратно – вот день и ушел.

На следующее утро я взял документы и поехал в университет. Артём поехал со мной, чтобы помочь найти нужную улицу. Я сдал документы на рассмотрение и мне дали адрес школы-экстерната, где я должен был сдать выпускной экзамен и получить аттестат.

– Они ходили в приоритетно черном, как знак траура, о своей умирающей молодости, – сказал я Артёму идя по улице, говоря о нем и его тусовке.

– Неплохо, хотя и слишком закручено, – сказал он.

На следующий же день была репетиция группы. Репетиционная база – это гаражи и разные мелкие пристройки, расписанные граффити и разноцветными рисунками. Снизу располагались комнаты с аппаратурой и ударными, а чуть выше был магазинчик с баллончиками и всякой мелочью и где-то там же была мастерская, в которой вытачивали доски для скейтбордов. Мы с Артёмом пришли раньше всех. Так же должен был прийти Никита Метель, что на гитаре, у него волосы длинной с каре и прикид элегантного рокера: мартинсы и пальто.

Позже мы пересеклись с ним на одном рейве. Ближе к утру, он был крайне разговорчив и в хорошем настроении. Мы много болтали, ну по крайней мере он, но я был не против, мне было интересно, и в целом он отличный чувак.

– Дядь, ну понимаешь, она любит меня, хотя и я её тоже. Я даже думал позвать её на репетицию, но наверное не за чем, может быть даже уеду за границу, почему нет то?

А ты учишься, да?

– Да, на психологию поступил.

– О, психология это круто, я тоже увлекался, мне нравятся люди...

И все в этом духе он говорил много и быстро. Был рассвет, красиво в общем получилось.

Яна и Артёма, что за ударными тоже пока не было и я просто сидел и курил, рассматривая расписанные стены. Скоро все были в сборе и мы могли начать репетицию. Сначала я очень долго никак не мог въехать в сам стиль их игры. Играю я не так и плохо, но манера моей игры меняла динамику песен, что они начинали походить скорее на альтернативу, чем на гаражный панк.

– Брат, ну это полная хуйня, – говорит Артём, – ты можешь как-то, ну, попроще и агрессивнее.

– Чувак, ну я же чисто психонавт...

– Чувааак..., – протянул Ян. Казалось, что ему было скучно. Наверное, он хотел просто поотрывать и покричать в микрофон, а ему стали рассказывать о регулировке реверберации и структурировании композиции.

– Короче, пацаны, – начал он, – давайте еще раз, вы это, ебашьте шо силы есть.

– И это, поагрессивней, – добавил Ласта.

В итоге, конечно, я все же подстроился под них и получилось даже неплохо. После репетиции мы все вместе пошли к метро, а по дороге зашли в «Крымскую выпечку» и взяли

чебуреков с чаем. Я взял с сыром. Они обсуждали дальнейшую судьбу группы: концерты, альбомы, записи. Я же просто наблюдал и был погружен в свой мир, полный символизма и мыслей о том, почему им не угодили мои альтернативные риффы. Мы доели и пошли: Никита, барабанщик Артём и Ян пошли на трамвай, а мы с Ластой спустились в метро и поехали к нему. Вечером я приготовил пасту со сливками и, первым делом, стал рассказывать Артёму о том, почему я не ем мясо, почему я медитировал и чего вообще хочу, или вернее не хочу:

– Не понятным для меня остается лишь само состояния счастья. И, естественно, я принимаю тот факт, что понимать его и не нужно, – начал я, – лишь ощущать. Но, сверяясь с религиями, учениями, науками понимаешь вдруг, что радость, состояние веселья и возбужденности – не есть счастье, так же как и противоположность этому. Счастье – это нечто среднее. Безграничное спокойствие и, даже сказал бы, успокоение. Сравнимое со смертью. Тогда почему сама смерть не есть счастье? Наверное от того, возвращаясь опять же к религиям и учениям, что смерти, как таковой и нет. Есть нечто такое, что не передать никаким видом искусства – ни музыкой, ни письмом, ни рисунком. Нечто такое, что вот-вот, еще чуть-чуть и придет это самое безграничное и глубинное. Вот же оно прямо перед тобой, – я красиво выложил пасту в тарелки и присыпал сыром и перцем, – Но проблема, как раз в том, что мы привыкли ходить вокруг, да около.

И прямо сейчас я хожу и хожу, обходя суть по периметру.
Вдоль и поперёк. Картина:

Она передо мной.

И вот оно

Что-то тайное

Сильное.

Сейчас.

Но наполняя счастье в форму мы лишаемся его основательно и бесповоротно. Ведь разве можно что-то безграничное засунуть в границы? На океан не хватит никакой бутылки. Ограничиваем себя либо границами будущего: мне нужно еще кое-что. Либо рамками прошлого: я сделал что-то воспрещенное и теперь-то счастье меня обойдет стороной! А диета, не несет ничего сама по себе, но она действительно облегчает получение результата. Если ты хочешь похудеть ты занимаешься спортом. При этом ты можешь есть что угодно: жирное, сладкое, постное – что хочешь! Только бегать придется в три раза больше. И точно так же можешь ограничить себя в этом и всего то бегать придется меньше – вот и все.

Наверное, он меня понял. Я еще покурил и лег спать, потому что утром снова нужно будет по делам.

В университете я сделал всё, что требовалось и мне назначали экзамены на конец лета. Потом я так же зашел в паспортный стол, чтобы узнать, как я могу получить документ. Пробыв там недолго, мне так и не дали конкретного ответа. Что-то вроде: «Обращайтесь по месту прописки».

– А если я иногородний?

– Тогда вам нужна форма 23 (27,28 и 49).

– А где её взять?

– Ну, не у нас – у нас её нет. А как тебя пустили-то вообще сюда?

– Да вот так и пустили – по свидетельству. Я тут в университет поступаю.

– Понятно. Ладно, мне пора, я пойду.

И ушла. Ушёл и я. По дороге выпил кофе и купил сигарет. Пока добрался домой уже было около пяти или шести часов. Мы просто поели гренок с чаем, я придумал на гитаре пару мелодий и показал их Артёму:

– О, нормально, ну ка, как ты это...

Залип в интернете и лег спать, чтобы проснуться пораньше и пойти на работу, которая была в часе езды на метро.

Сны – это огромное поле для изучения. Феномен осознанных снов, когда во время сновидения ты вдруг понимаешь, что спишь и подчиняя своё воображение можешь сам изменять сюжет и даже пространство сна. А депривацию сна, то есть его намеренное сокращение, используют для облегчения депрессий и апатии.

Утром я проснулся, взял у Ласты большую книжку Эдгара По, чтобы почитать в метро и бросил её в рюкзак. Артём ещё спал, но мне пришлось его разбудить, чтобы он нашел ключи и закрыл за мной дверь. Прямо у дома я зашел в магазин, купил булку с заварным кремом и латте из кофейного автомата.

По пути в метро увидел небольшую кофейню и подумал, что можно было купить кофе здесь, вместо магазинного. С этого дня начались скучные, малопримечательные будни. Но зато я стал помногу читать: по две, а то и три книги в неделю. На работе было много времени. Я приходил с утра и вытаскивал лодки на берег из большого контейнера, а вечером за-таскивал их обратно. Большую же часть времени днём я сидел на берегу и читал. Периодически нужно было проводить инструктаж о спуске на воду, но это не доставляло особых хлопот, так что я был доволен. Платили немного, но мне хватало на еду, сигареты и одежду, и даже, оставалось, чтобы ходить по выходным на дискотеку. Читать я начал с классики: По, Джек Лондон, Достоевский, которого я, так и не возлюбил, Лавкрафт; после пошел Пелевинский пост-модерн и метафизические русские алкоголики вроде Ерофеева и Мамле-ева, но особенно любил Керуака.

На выходных Артём позвал меня на «тусовку». Это вечеринка в помещении с голыми стенами, которая так и называется. И вот, в субботу вечером, где-то в переулках Кон-трактовой Площади мы встретились с парнями из оптимуса, Нагосом и пошли в ближайший супермаркет – купить воды, жвачку, сигареты и другую мелочевку. Прямо возле магазина мы пересеклись с Яном и Владом Гербичем. Влад был с длинными волосами, в гавайской рубашке, выделяясь на фоне темной одежды других ребят. Он казался спокойным и расслабленным, улыбался и походил на довольно-

го хиппи, который только что скурил пару сочных блантов. В общем, отличный тип. Мы купили воды и все вместе двинули обратно. Возле входа на тусовку мы встретились с девчонками и зашли внутрь. Было только около одиннадцати, поэтому людей было немного. Клуб – это максимально андеграундное место: голые стены и пол, несколько квадратных бетонных колон по центру, у правой стены огороженное место, с яркими лампами, где били татуировки. Слева, в глубине зала был пульт, колонки и высокая площадка, на которой танцевали несколько человек. От яркого света стробоскопа заболели глаза. Танцевать я не захотел, поэтому вышел на улицу покурить с ребятами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.